

И. А. Сеница
Центр исследования Украины
Даляньского университета иностранных языков (КНР)

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АНТОНИМЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИЙНЫХ ПРАКТИК

В статье проанализированы антонимические отношения как результат современной дискурсивной практики. Массмедийный дискурс современной Украины демонстрирует факты возникновения прагматических антонимических оппозиций. Эти примеры автор интерпретирует как результат нарушения логико-семантических парадигматических отношений в лексике, возникающих в рамках определенного дискурса и эксплицирующих прагматические интенции адресанта. Автор статьи определяет такие оппозитивные пары как прагматико-дискурсивные антонимы.

Ключевые слова: парадигматические отношения, антонимия, прагматические антонимы, массмедийный дискурс.

Структурно-системный принцип исследования языка за длительный и плодотворный период его применения стал не только базовым при изучении языков мира, но и во многом определяющим последующие направления лингвистического анализа. К какому бы из актуальных сегодня принципов изучения языка мы не обратились, в его основе прослеживаются системно-структурные приемы описания языковых явлений. Важность использования данного подхода отмечал А. А. Реформатский: “Поскольку мы считаем, что язык – не идеология, а орудие и притом орудие особого рода, обладающее не конструкцией, как любое материальное орудие (топор, плуг, комбайн), а структурой и системной организацией, то для всех говорящих первая задача состоит в том, чтобы практически владеть этим орудием в данном его состоянии” [11, с. 20].

Поиск тех или иных отношений внутри и между элементами и единицами языка на различных уровнях является свидетельством системности языковых отношений. Прежде всего это касается лексико-семантического языкового уровня, где системные отношения изучены наиболее глубоко как в синхронии, так и диахронии. Соотносительная противоположность языковых элементов, то есть антонимические отношения между ними, являются одними из наиболее важных системных отношений в языке. Очевидно, по этой причине антонимические отношения стали объектом исследования многих отечественных и зарубежных исследователей. Назвав имена таких известных лингвистов, как Ш. Балли, А. М. Пешковский, Ю. Д. Апресян, Л. А. Новиков, М. А. Шанский, Д. Н. Шмелев, М. Р. Львов, Л. А. Введенская, чьи научные интересы всецело или частично были связаны с семантикой противопоставлений, мы убедимся в важности и необходимости исследования антонимических отношений в языке. Благодаря

работам этих и других ученых теория антонимических отношений как одного из видов парадигматических связей элементов языковой системы получила серьезную разработку.

История теоретического освоения антонимии достаточно полно представлена в публикациях М. С. Пестовой [10], где исследовательница подробно описывает этапы изучения антонимов русского языка до 2010 г. включительно, Турчин В. В. [13], Е. М. Моисеевой [5], Задорожной [3, с. 27–41], где освещаются различные принципы анализа языковой антонимии. Функционально-стилистический аспект антонимов преимущественно в художественных текстах проанализирован в работах Л. А. Введенской [2, с. 412–446].

Как и большинство исследователей данного вопроса, хотим отметить, что антонимия и сегодня остается менее изученной по сравнению с синонимией. Именно поэтому и сегодня является актуальным обращение к анализу антонимических отношений не только как явления языковой системы, но, прежде всего, как явления, широко используемого в речевой практике носителей языка, где реализация данных отношений может носить как узуальный, так и окказиональный или контекстуальный характер. В связи с этим **целью** данной публикации является анализ оппозитивных отношений, возникающих между лексемами в пределах одного дискурса.

О понятии “дискурс” написано уже много. При этом хотим заметить, что придерживаемся уже ставшего классическим толкования данного понятия Т. А. ван Дейком и его уточнения Н. Д. Арутюновой. В связи с избранным источником материала – массмедийный дискурс – хотим привести толкование дискурса французским лингвистом Элизабет Ле. Исследовательница говорит о трех аспекта его изучения: 1) дискурс как использование языка; 2) дискурс как “вживание” в общественное сознание определенных представлений; 3) дискурс как взаимодействие социальных групп и индивидов. Поэтому перед исследователями, по мнению автора, возникают такие требования: во-первых, поскольку дискурс есть использование языка, его изучение предполагает анализ текста, охватывающий разные области: синтаксис, лексику, “голоса полифонии”, функции, различные пути модализации отдельных компонентов с целью прояснить либо, наоборот, затуманить какие-то детали; во-вторых, дискурс формирует, “вживляет” представления и делает необходимым анализ продуцирования текстов и их интерпретации; в-третьих, дискурс как взаимодействие общественных групп и индивидов должен изучаться в контексте социальных структур культуры данного общества [4, с. 95].

По наблюдениям многих лингвистов, речь предоставляет нам для анализа уникальный материал, позволяющий не только наблюдать различные варианты словоупотребления, но и делать выводы о тех процессах, которые

выходят за традиционные представления о языковой системе. Одно из таких явлений, которое мы обнаружили в общественно-политической речевой практике современной Украины, привлекло наше внимание. Именно поэтому предметом нашего анализа в этой публикации стала оппозиция “перемога – зрада”, вербализуемая в массмедийном дискурсе Украины как отражение прагматических интенций адресантов коммуникации. Материалом исследования стали разножанровые украино- и русскоязычные публикации на сайтах информационных агентств Украины, собранные в течение 2015–2016 гг.

Данная пара лексем возникла в общественно-политическом дискурсе Украины приблизительно в середине 2015 г., именно августом–октябрем, по нашим наблюдениям, датируются ее первые фиксации. В то же время некоторые блогеры говорят об активном использовании данной оппозиции уже в период Революции Чести. Важно то, что тексты фиксируют противопоставление двух абсолютно разных явлений, названных лексемами, образующими в лексико-семантической системе свои антонимические пары: 1) *перемога (победа) – поразка (поражение)*, где *победа* – “Успех в бою, войне, в борьбе за что-л., достижение в результате борьбы, преодоления чего-л.”, *поражение* – “Проигрыш, неудача в бою, в войне, в борьбе за что-л., в попытке достижения, преодоления чего-л.” [2, с. 257]; 2) *зрада (измена, предательство) – вірність (верность)*, где *верность* – “Стойкость и неизменность в своих чувствах в исполнении своих обязательств по отношению к кому-, чему-л., своего долга перед кем-, чем-л.”, *измена* – “Нарушение своих обязательств по отношению к кому-, чему-л., своего долга перед кем-, чем-л.” [2, с. 73]. Как видим, семантические структуры лексем *перемога (победа)* и *зрада (измена, предательство)* не содержат никаких оснований для их противопоставления. Но доказательством того, что авторы публикаций видят именно отношения противопоставления между названными лексемами, может служить сочетание данных лексем с помощью союза *или*, который чаще используется для выражения разделительных отношений, акцентирующих отношения взаимоисключения, несовместимости [12]. Причем разделительно-противительный союз *или* в массмедийном дискурсе, по нашим наблюдениям, используется чаще в заголовках, реже – в текстах публикаций, например: “**ЗРАДА**” **ИЛИ** “**ПЕРЕМОГА**”: о каком разведении сторон договариваются с Путиным (23 августа 2016; <http://www.dsnews.ua/politics/-zrada-ili-peremoga-o-kakom-razvedenii-storon-dogovarivayutsya-23082016124500>); *Военные сборы резервистов 2016. Зрада или Перемога?* (11 октября 2016; <https://inforesist.org/voennyie-sboryi-rezervistov-2016-zrada-ili-peremoga>); *Встреча нормандской четверки: #зрада или #перемога?* (20 октября 2016; <http://nv.ua/opinion/fesenko/vstrecha-normandskoj-chetverki-zrada-ili-peremoga-248979.html>); *Зрада*

или перемога: блогеры комментируют Савченко в Москве (26 октября 2016; <https://politeka.net/347182-zrada-ili-peremoga-blogery-kommentiruyut-savchenko-v-moskve/>); *Я пока затрудняюсь предположить, зрада это или перемога...* (“Аттракцион невиданной щедрости. 26.10.2016; <http://mediananny.com/novosti/2318572/>) и др.

Значение противопоставления поддерживает написание лексем через vs (лат. *versus* – против; часто сокращается до vs или v.): “*Зрада VS перемога*” – *дискурс ущербный и вредный для страны* (11 апреля 2016; <http://112.ua/mnenie/zrada-vs-peremoga--diskurs-ushherbnyy-i-vrednyy-dlya-strany-304042.html>) и др.

Характеризуя антонимию как явление языковой системы, Л. А. Новиков отмечает, что “в основе антонимии лежат некоторые общие причины, кроющиеся в самом характере человеческого мышления” [8, с. 12]. Антонимия определяется ученым “как наиболее существенное и характерное для всех носителей языка максимальное противопоставление слов, закрепленное в нормах литературного словоупотребления” [9, с. 6]. Анализируемый пример противопоставления, который активно используется в массмедийном дискурсе Украины, не укладывается в традиционные представления об антонимии с ее различными видами, описанными в работах Ю. Д. Апресяна [1], Л. А. Новикова [6; 7; 8; 9], Л. А. Введенской [2], Е. В. Задорожневой [3] и др. В то же время перед нами актуализированное противопоставление абсолютно разных явлений объективной действительности.

Исследователи антонимических отношений неоднократно говорили о том, что антонимы отражают сложное восприятие человеческим мозгом объектов действительности, переработку информации о них на основе сравнения с другими объектами или с теми же самыми, но в других условиях. Выбор того или иного антонима отражает влияние экстралингвистических факторов: ситуации, в которой человек сталкивается с объектом, его предварительных знаний об объекте, его собственных, а чаще навязанных ему стереотипов по отношению к объекту, его собственных особенностей восприятия. То есть при создании антонимической пары важную роль играет субъективный фактор, прагматический компонент коммуникации.

Лексико-семантические и другие особенности массмедийного дискурса Украины во многом обусловлены социальными и политическими событиями указанного периода. В связи со сказанным вполне обоснованно, на наш взгляд, звучит мнение, высказанное А. Шеховцовым в публикации на странице в Facebook [14]. Автор характеризует дискурс “*зрада vs перемога*” не просто как “*интеллектуально ущербный*”, но и как “*вредный с точки зрения среднесрочной стратегии демократического развития страны*”. Причины этого кроются в потенциальной возможности делать ошибки. Эти

ошибки эксплицированы семантикой ложного противопоставления, заложенного данным дискурсом и обусловленного Оранжевой революцией. *“И “зрада”, и “перемога”, – по мнению автора публикации, – это именно отстраненное наблюдение за поведением политических элит, поэтому <...> оба нарратива ведут к катастрофе. Украинское гражданское общество должно выйти за пределы дискурса “зрада vs перемога” и не просто контролировать политические элиты, но и напрямую участвовать в процессе демократизации страны”*. То есть дискурс “зрада vs перемога” мы можем характеризовать как дискурс отстраненности, создаваемый парой прагматических антонимов, противопоставленность которых является результатом последовательного употребления в мессмедийных ресурсах с целью создания ложного эффекта активного участия в общественных процессах. Пытаясь дать ответы на вопросы, поставленные авторами публикаций о наличии “зрады / перемоги”, адресат невольно приобщается к мнимому процессу борьбы за справедливость: за победу или против измены, хотя само противопоставление не является логически обоснованным. Не всякая победа может иметь положительные результаты, как и измены не всегда приводят к негативным последствиям. Доказательством этому могут служить многочисленные примеры как давней, так и современной отечественной и зарубежной истории.

Такая двойственность интерпретаций описываемых фактов наблюдается во многих статьях. Возможно, это стало причиной появления целого ряда публикаций, авторы которых пытаются найти объяснения тому, что такое “зрада / перемога”. Так, в статье *“В сети появилось видео, которое объясняет, что такое #перемога и #зрада”* (19 августа 2015; <http://obozrevatel.com/crime/64079-v-seti-poyavilos-video-kotoroe-obyasnyayet-cto-takoe-peremoga-i-zrada.htm>) авторы говорят о неоднозначной оценке фактов, интерпретируемых как измена, и о классификации измены как возможного “инструмента информационной войны и психологических операций противника”.

Поиск ответа на вопрос *“Звідки прийшла мода на слова “зрада” та “перемога””* (09 сентября 2015; <http://gazeta.ua/articles/neliterturna-leksika/zvidki-prijshla-moda-na-slova-zrada-ta-peremoga/646466>) привели авторов публикации Олександру Горчинскую и Северина Наливайко к выводу о том, что первоначально привычка употреблять украинские слова “зрада”, “пэрэмога”, “здобулы”, “свидоми”, “мова”, “слава”, “ганьба” в переносном и пренебрежительном смысле принесена с российских сайтов и пабликов в соцсетях. Журналисты называют адреса сайтов и предполагают хронологию привнесения лексем в украинский интернет-контент. Для нас в данной статье важным является наблюдение авторов над тем, что и “зрада”, и “перемога” употребляются с пренебрежительной коннотацией. То есть мы опять

сталкиваемся с нарушением логико-семантических закономерностей и формированием прагма-семантических свойств. Если в антонимической паре, с точки зрения лексической семантики, один из членов несет положительную оценку, второй – обязательно имеет отрицательные коннотации, то в анализируемой оппозиции изначально формируется негативная коннотация у обоих членов.

Лексема “перемога (победа)” в массмедийном дискурсе данного периода теряет свою положительную коннотацию, актуализируемую в антонимической паре “победа – поражение”. То же наблюдаем и с лексемой “зрада (предательство)”, при употреблении которой стирается однозначная отрицательная оценка. Модальность сомнения “зрада это или нет?” расшатывает устоявшиеся представления о данных понятиях.

Нейтрализация положительной / отрицательной коннотации является результатом определенного вида практики словоупотребления, реализующей конкретные прагматические цели. В данном случае мы можем говорить, что первоначальной целью, очевидно, являлась дезориентация носителей как русского, так и украинского языков в том, “что такое хорошо и что такое плохо” (В. Маяковский). Разрушение традиционных парадигматических связей между лексемами мы рассматриваем как одно из средств манипулирования языковым сознанием человека. Следует отметить, что часто авторы статей эксплицируют бессмысленность противопоставления, актуализируемого данной оппозитивной парой (ср.: *...Попытка оценить итоги берлинской встречи глав государств по формуле “зрада / перемога” бессмысленна* (22 октября 2016; <https://news.pn.ru/RussiaInvadedUkraine/170736> и др.). Такие аксиологические рефлексивные высказывания мы вправе рассматривать как проявления языкового сопротивления носителей языка новым прагматико-дискурсивным стереотипам. Очевидно, большинство читателей воспринимают навязываемые парадигматические связи и активно используют данную оппозитивную пару. В связи с чем возникают новые вопросы, которые могут стать предметом анализа для следующих исследований.

Л и т е р а т у р а :

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т I. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки русской культуры ; Изд. фирма “Восточная литература” РАН, 1995. – 472 с.
2. *Введенская Л. А.* Словарь антонимов русского языка : более 500 антонимических гнезд / Л. А. Введенская. – М. : Астрель ; АСТ, 2003. – 445 с.
3. *Задорожнева Е. В.* Сочетаемость компонентов антонимо-синонимических блоков (на материале существительных, прилагательных, наречий русского языка) : дис. ... канд. филол. наук ; спец. 10.02.01 – русский язык / Елена Владимировна

- Задорожнева. – Волгоград, 2007. – 189 с.
4. *Ле Э.* Лингвистический анализ политического дискурса : язык статей о чеченской войне в американской прессе / Элизабет Ле // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 2. – С. 95–112.
 5. *Моисеева Е. М.* Принципы выделения антонимических оппозиций // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 1–2 (023–024). – С. 297–304.
 6. *Новиков Л. А.* Логическая противоположность и лексическая антонимия / Л. А. Новиков // Русский язык в школе. – 1966. – № 4. – С. 79–87.
 7. *Новиков Л. А.* Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике) / Л. А. Новиков. – М. : Изд-во МГУ, 1973. – 290 с.
 8. *Новиков Л. А.* Антонимия в русском языке : (Теория. Семантический анализ. Классификация антонимов) : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1974. – 364 с.
 9. *Новиков Л. А.* Русская антонимия и ее лексикографическое описание / Л. А. Новиков // Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка : более 2000 антоним. пар / под ред. Л. А. Новикова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1984. – С. 5–30.
 10. *Пестова М. С.* Антонимия как объект теоретического исследования // Вестник ЮУрГУ. Серия “Лингвистика”. – 2014. – Вып. 11. – № 1. – С. 18–21.
 11. *Реформатский А. А.* Принципы синхронного описания языка / А. А. Реформатский // Лингвистика и поэтика. – М., 1987. – С. 20–40 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics1/reformatskiy-87a.htm>.
 12. Русская грамматика. Т. 2 : Синтаксис / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). – М. : Наука, 1980. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rusgram.narod.ru/3136-3156.html>.
 13. *Турчин В. В.* Лінгвістичні напрямки у дослідженні антонімії / В. В. Турчин, В. М. Турчин // Наукові записки. Серія “Філологічна”. – Острог : Вид-во Нац. ун-ту “Острозька академія”. – Вип. 19. – 2011. – С. 337–341.
 14. *Шеховцов Антон.* Страница в Facebook [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.facebook.com/anton.shekhovtsov/posts/10206455150513353?pnref=story>

R e f e r e n c e s :

1. *Apresyan Ju. D.* Izbranniye trudy. T. I. Leksicheskaya semantika [The selected works] / Ju. D. Apresyan. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Jazyki russkoy kultury ; Izd. firma “Vostochnaya literatura” RAN, 1995. – 472 s.
2. *Vvedenskaya L. A.* Slovar antonimov russkogo jazyka [Antonyms Dictionary of Russian language] : bolee 500 antonimicheskikh gnezd / L. A. Vvedenskaya. – М. : Astrel ; АСТ, 2003. – 445 s.
3. *Zadorozhneva E. V.* Sochetaemost komponentov antonimo-sinonimicheskikh blokov (na materiale sushchestvitelnykh, prilagatelnykh, narechiy russkogo jazyka) [The compatibility of antonyms and synonymous blocks (on a material of nouns, adjectives, adverbs of Russian language)] : dis. ... kand. filol. nauk ; spets. 10.02.01 – russkiy yazyk / Elena Vladimirovna Zadorozhneva. – Volgograd, 2007. – 189 s.
4. *Le Je.* Lingvisticheskiy analiz politicheskogo diskursa : yazyk statey o chechenskoj

- voyne v amerikanskoy presse [Linguistic analysis of political discourse : language of an articles about the Chechen war in the American press] / Jelizabet Le // Polis. Politicheskiye issledovaniya. – 2001. – № 2. – S. 95–112.
5. *Moiseeva E. M.* Printsipy vydeleniya antonimicheskikh oppozitsiy [Allocation principles of antonymous oppositions] // Sotsialno-ekonomicheskiye yavleniya i processy. – 2011. – № 1–2 (023–024). – S. 297–304.
 6. *Novikov L. A.* Logicheskaya protivopozhnost i leksicheskaya antonimiya [Logic inverse and lexical antonymy] / L. A. Novikov // Russkiy jazyk v shkole. – 1966. – № 4. – S. 79–87.
 7. *Novikov L. A.* Antonimiya v russkom yazyke (semanticheskij analiz protivopozhnosti v leksike) [Antonymy in Russian language (semantic analysis of opposites in the vocabulary)] / L. A. Novikov. – M. : Izd-vo MGU, 1973. – 290 s.
 8. *Novikov L. A.* Antonimiya v russkom yazyke : Teoriya. Semanticheskij analiz. Klassifikaciya antonimov [Antonymy in Russian language : Theory. Semantic analysis. Antonyms classification] : – dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 1974. – 364 s.
 9. *Novikov L. A.* Russkaya antonimiya i ee leksikograficheskoye opisaniye [Russian antonymy and its lexicographical description] / L. A. Novikov // Lvov M. R. Slovar antonimov russkogo jazyka : bolee 2000 antonim. par / pod red. L. A. Novikova. – 2-e izd., ispr. i dop. – M. : Russkiy jazyk, 1984. – S. 5–30.
 10. *Pestova M. S.* Antonimiya kak obyekt teoreticheskogo issledovaniya [Antonymy as an object of theoretical research] // Vestnik JuUrGU. Seriya “Lingvistika”. – 2014. – Vyp. 11. – № 1. – S. 18–21.
 11. *Reformatskiy A. A.* Principy sinkhronnogo opisaniya yazyka [Synchronous description principles of language] // Reformatskiy A. A. Lingvistika i pojetika. – M., 1987. – S. 20–40 [Elektronniy resurs]. – Rezhim dostupa : <http://www.philology.ru/linguistics1/reformatskiy-87a.htm>.
 12. Russkaya grammatika. T. 2. Sintaksis [Russian grammer. T. 2. Syntax] / N. Ju. Shvedova (gl. red.). – M. : Nauka, 1980. [Elektronniy resurs]. – Rezhim dostupa : <http://www.rusgram.narod.ru/3136-3156.html>.
 13. *Turchin V. V.* Lingvistichni napryamky u doslidzhenni antonimii [Linguistic directions in research of antonymy] / V. V. Turchin, V. M. Turchin // Naukovi zapiski. Seriya “Filologichna”. – Ostrog : Vyd-vo Nats. un-tu “Ostrozka akademiya”. – Vyp. 19. – 2011. – S. 337–341.

Синиця І. А. Прагматичні антоніми як результат сучасних масмедійних практик.

У межах статті розглянуто антонімічні семантичні відношення, що є результатом сучасної дискурсивної практики. Масмедійний дискурс сучасної України демонструє факти виникнення прагматичних антонімічних опозицій. Ці приклади автор інтерпретує як результат порушення логіко-семантичних парадигматичних відношень у лексичі, що виникають у межах певного дискурсу й експлікують прагматичні інтенції адресанта. Автор статті визначає такі опозитивні пари як прагматично-дискурсивні антоніми.

Ключові слова: парадигматичні відношення, антонімія, прагматичні антоніми, масмедійний дискурс.

Synytsia I. A. Pragmatic antonyms as a result of modern mass-media practices.

Within the article antonymic semantic relations, which are the result of modern discursive practice, are considered. The mass-media discourse of modern Ukraine demonstrates the facts of the emergence of pragmatic antonymic opposition.

Articles in Ukrainian online publications, written in Ukrainian or Russian, became the material of this study. Articles were published during 2015-2016 and were devoted to the problem of "betrayal / victory". The active functioning of the Ukrainian tokens, "betrayal" and "victory" in the media discourse, influenced the emergence of unusual antonymic relations between these tokens. Antonymic attitudes in this pair were the result of the mass media practice of the studied period. First of all they explode the pragmatic intentions of the sender of communication and are means of manipulative influence on the linguistic consciousness of the recipient.

The author interprets these examples as a result of a violation of the logical-semantic paradigmatic relations in the vocabulary that arise within a certain discourse and explains the pragmatic intentions of the sender. The author of the article defines such opposed pairs as pragmatic-discursive antonyms.

Keywords: paradigmatic relations, antonymy, pragmatic antonyms, media discourse.

Н. О. Хараман
Національний педагогічний університет
імені М. П. Драгоманова

СПЕЦИФІКА СТРУКТУРИ ТА СТИЛІСТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ЖАНРУ ЩОДЕННИКА

У статті проаналізовано жанрові закономірності, стійкі структурні елементи, стилістичні особливості, притаманні щоденниковим текстам. Визначено лінгвостилістичні ознаки щоденника як жанру епістолярного стилю (стислість, лаконічність, фрагментарність, необробленість оповіді, стилістична незавершеність фрази, підтекст, реферативність, тезовість, уривчастість, інтимний характер оповіді), екстралінгвальні стилетвірні фактори, розкрито специфіку його структури. Установлено, що автор надає щоденниковому тексту естетичної цілісності, він є стрижневим компонентом щоденника, навколо якого відбуваються всі події.

Ключові слова: щоденник, епістолярний стиль, стилістична організація, автокомунікація, автор, внутрішнє мовлення, структурна організація.

Інтерес до автодокументальної літератури помітно інтенсифікується наприкінці ХХ – на початку ХХІ ст., коли були опубліковані невідомі раніше й часто недоступні широкому читацькому загалу щоденники видатних письменників, художників, політиків, учених, громадських діячів. Протягом останнього часу вийшли друком щоденники Тараса Шевченка, Миколи Куліша, Ольги Кобилянської, Володимира Винниченка, Степана Васильченка, Петра Панча, Валер'яна Поліщука, Сергія Єфремова, Аркадія Любченка, Павла Тичини, Остапа Вишні, Михайла Драй-Хмари, Василя Стуса, Олеся Гончара та ін. Наукові розвідки цього періоду мають здебільшого дискусійний характер, стосуються загальних питань методології,